

Алена Яворская

«Вот я и в Париже – первом городе мира...»

В представлении обывателя сатирик – человек худой, желчный, раздражительный и замкнутый. Обитает он то ли в подвале, то ли на чердаке, семейная жизнь у него напрочь отсутствует.

В такую картину Илья Ильф и Евгений Петров никак не вписываются. Да, они были сатириками – замечательными, гениальными, удачливыми. Последнее качество, вообще-то, для советских сатириков не очень характерно (даже для тех, кто активно колебался вместе с линией партии).

Им повезло с местом рождения, как, впрочем, и всем, кто родился в нашем городе. Повезло с соавторами (причем каждому отдельно). Повезло влюбиться – однажды и на всю жизнь.

Их книги издавали и читали – это далеко не всегда совпадает. Ильфа и Петрова переводили на польский, французский, английский, немецкий, японский, испанский, голландский, норвежский и даже китайский – еще при жизни авторов. По мотивам «12 стульев» – опять же еще при жизни – были сняты два фильма: в 1933 совместно Польшей и Чехословакией, в 1938 в Германии (правда, в немецком фильме в титрах не указаны фамилии авторов первоисточника).

Везло им и в том, что они были, как позже скажут, «выездными». Италия, Турция, Греция, Польша, Австрия, США, Мексика – впечатляющий и в наши дни список. А уж в тридцатые!.. Есть одно «но»: они ездили не как частные лица, а как корреспонденты советских газет.

Зарубежную жизнь глазами Ильфа и Петрова увидели читатели «Правды» и «Огонька». Но это написано для всех. А о том, как видели Илья и Евгений улицы Парижа и Нью-Йорка, они писали в частных письмах – любимым женам.

В 1933 после похода кораблей Черноморского флота (с заходом в Турцию, Грецию и Италию) соавторы из Рима через Вену (где рассчитывали получить гонорар за издание «12 стульев» на немецком языке) отправились в Париж. Через десять лет Ильф встретился со своим старшим братом – Сандро Фазини, художником и фотографом, эмигрировавшим во Францию (именно поэтому Ильф «второе богаче»).

Петров. Фото Ильфа

Оба много и часто писали женам из Франции. Письма Ильфа Марусе Тарасенко опубликованы в книге, составленной Александрой Ильф, «Письма не только о любви».

А вот те, что писал Петров Вале Грюнзайд, практически не публиковались, большинство мы читаем впервые.

19/XI 1933

Париж

Дорогая, горячо любимая козочка!

Вот я и в Париже – первом городе мира. Надо тебе сказать, что сидя в этом действительно замечательном городе, я думаю только об одном – о том, что от тебя до сих пор нет писем. Не могу понять, что произошло. Иля все время получает письма и телеграммы от Маруси, а я хоть бы хны! Ведь я просил тебя, коза, послать телеграмму. Сам я не посылаю телеграмм по вполне понятной причине – дорого (Иля – другое дело. Он чуть ли не второе богаче меня). Если и сегодня ничего от тебя не получу (сейчас я иду в постпредство), тогда просто не буду знать, что и делать, – наверное, выеду в Москву. Впрочем, так или иначе, а к 1-му декабря, по всей вероятности, отправимся домой. Положение может измениться только в том случае, если мы получим

Петров. Фото Лангмана

деньги (на это надежд очень мало). Тогда на неделю поедем в Лондон. Попрактикуюсь в английском языке. Сейчас я его почти позабыл. В голове отчаянная смесь из турецкого, греческого, итальянского, немецкого и французского.

Париж, кошечка, огромен и, тем не менее, прост. В первый же день по приезде мне показалось, что я был в нем уже несколько лет – настолько он известен мне по французской литературе. Если помнишь, нет такого французского писателя (разумеется, из известных нам), который не описывал бы свой Париж.

Деятельность моя здесь заключается главным образом в том, что я брожу по городу пешком, езжу в метро и в автобусе. Хочется все увидеть, ничего не пропустить, все запечатлеть на всю жизнь. И ведь знаешь, что это невозможно, что видение это исчезнет (и очень скоро исчезнет), но не можешь этому поверить.

Итак, нежно и крепко любимая, до скорого свидания. Немедленно по получении письма телеграфируй о здоровье:

Nogarotel 80 Paris Petroff.

Это телеграфный адрес отеля, где я живу. На первом листе отпечатаны все адреса. Писем уже не пиши. Пока дойдет это письмо, и ты соберешься написать, ответ будет уже поздно.

Если в ближайшие дни что-нибудь выяснится с деньгами и я останусь в Париже еще недели на две, я, конечно, напишу.

Крепко поцелуй и обними от моего имени нашего Петьку, скажи ему, что папа в ужасе от того, что никак не может привезти ему костюмчик.

Целую тебя 168 раз и еще несколько – в ушко с родинкой, ручку с родинкой и вообще целую все родинки. Твой всегда и только твой Женя.

Из письма Ильфа, датированного тем же днем: «Нашел Сашу [Фазини]... дела у него не идут, как у всех здесь. Но он живет неплохо совсем. Живопись я его еще не смотрел. Это будет на днях... Вчера мы совершили громадную прогулку от Люксембургского сада через Пантеон, Нотр Дам, плас Конкорд и Елисейские поля к могиле Неизвестного солдата. Было на что вылупить глаза. Я вылупил, конечно». А 24 ноября фраза о «богатом Ильфе» окончательно разъясняется: «Денег у меня достаточно. Я получил от Саши довольно много».

27 ноября в Москву отправлены почти идентичные письма. Ильф: «Вышлите, как только получите это письмо, 150 рублей на станцию Негорелое, до востребования на мое имя. Эти деньги нужны мне на билет в Москву... узнайте, какой дороги станция Негорелое (Западные? Бел-Балт?)».

Евгений Петров:

27 ноября 1933

Париж

Дорогая, любимая козочка!

Получил твою телеграмму и успокоился. У меня тоже все благополучно – жив, здоров и т. д.

Сделай ты, котинька, вот что: сейчас же по получении этого письма вышли телеграфом 150 рублей. Псылай так: ст. Негорелое (узнай, какой дороги) Евгению Петрову.

Очевидно, я буду в Негорелом числа 3-го. Надо, чтоб к тому времени деньги были уже там. До Негорелого (совсем, как чеховский актер Фениксов-Дикообразов II-й) буду ехать в самом что ни на есть третьем классе. А там уже пересяду в самый международный. Сегодня или завтра куплю тебе платьице.

Теперь, кисик, я спешу и кончаю письмо.

Люблю тебя изо всех своих лошадиных сил, обнимаю, нежно целую. Пока условно. А скоро и по-настоящему.

Обними и поцелуй Петеньку.

Кланяйся знакомым и родственникам. Всегда твой Женя

Вернуться поиздержавшиеся соавторы планировали в начале декабря. Очевидно, финансовая ситуация была похожа на поло-

жение упоминавшегося героя рассказа А.П. Чехова «Средство от запоя»: «В город Д., в отдельном купе первого класса, прибыл на гастроли известный чтец и комик г. Фениксов-Дикобразов 2-й. Все встречавшие его на вокзале знали, что билет первого класса был куплен «для форса» лишь на предпоследней станции, а до тех пор знаменитость ехала в третьем».

Но в очередной раз повезло. Они часто встречались с Ильей Эренбургом, в те годы парижским жителем. Скорее всего, именно Эренбург помог с неожиданным заказом – французская кинофирма «Софар» предложила соавторам написать сценарий звукового фильма. Из-за работы Ильфу и Петрову даже продлили визу до января 1934, «чтобы дать им возможность закончить работу согласно контракту, заключенному с кинофирмой «Софар».

Евгений Петров:

7 декабря 1933

Париж

Дорогая, любимая Валинька!

Несколько дней тебе не писал. Думал со дня на день выехать в Москву и перед отъездом послать тебе телеграмму. Однако сейчас выяснились новые обстоятельства. Мы пишем сценарий (для французов) и уже получили под него немного денег. Это дает нам возможность прожить в Париже еще две недели. Примерно к 20-му декабря сценарий будет готов, и если он понравится, мы получим за него 20.000 франков. Это довольно приличная сумма, которая дает возможность съездить на несколько дней в Лондон и еще кое-что купить для тебя и Пети (это будет стоить дорого, так как придется тут же, на месте, платить 100% пошлины). О тебе я не забываю. Скоро ты получишь довольно нарядное шифоновое платьице с чехлом, теплые перчатки и, правда паршивую и очень дешевую, но все же кофточку с шапочкой и шарфиком (красного цвета). Все это уже куплено и на днях к тебе поедет.

Теперь очень важный вопрос – деньги! Я боюсь, что тебе уже не хватает. Сегодня мы посылаем с Илей телеграмму в изд-во «Советская литература», чтобы тебе и Марусе выдали по 1500 р. Сговоришься с Марусей и Юрой и пусть Юра вас поведет. Я думаю, что этого хватит до нашего приезда. Если не хватит, устроим

еще. Да! Позвони Валентину и попроси, чтобы он устроил нам новый аванс в оперетте – рублей по 750 на каждого (сообщи это Марусе). Он должен это сделать. Так, смотри, позвони ему и скажи, что я требую братского внимания. Теперь вот что: немедленно телеграфируй о здоровье. (Мы живем все в том же отеле.) И немедленно же напиши большое письмо. Оно еще нас застанет.

Итак: 1) Если сценарий не понравится, мы приедем через две недели. 2) Если понравится, задержимся еще на неделю, но зато получим деньги. Как видишь, и то и другое хорошо!

Плохо только, что давно тебя не видел. Поверь мне, козочка, что люблю я тебя беспредельно. Ты одна моя, единственная, горячо, нежно и страстно любимая. Целую тебя миллионы раз. Целую твои ручки и ножки. Обними Петеньку. Скажи ему, что папа его обожает и, если сможет, привезет ему игрушки. Всегда только твой Женя.

Юрий, который должен отвести Валю и Марусю в издательство, – Олеша. Об этом же пишет и Ильф 7 декабря: «Попроси Юру, чтобы он взялся за это дело, пошел, позвонил, раскопал телеграмму и устроил деньги». А уж Петров на правах брата просит Валентина Катаева об авансе. Речь, скорее всего, идет о совместной пьесе Ильфа, Катаева и Петрова «Под куполом цирка». Правда, премьера в московском Мюзик-холле состоялась лишь через год, 23 декабря 1934.

А настроение у соавторов похожее. Ильф пишет Марусе: «Нам одна французская фирма предложила написать для нее сценарий. Деньги нам дают частью вперед, и мы здесь будем еще две недели, как видно. Между тем, мне немножко уже хочется назад, но упускать такой случай жалко».

Евгений Петров:

11 декабря 1933

Париж

Обожаемая, нежная козанька!

На днях отправил тебе подробное письмо обо всех наших делах. Сегодня ждем денег. Если их не дадут, не знаю даже, как продержимся два дня. А продержаться нам нужно, так как мы ждем де-

нег из Америки. Дело в том, что мы послали нашему нью-йоркскому издателю телеграмму с просьбой выслать 200 долларов. Надежд мало (кризис!). Но кто его знает. Может быть, и придет. Через два дня это выяснится. Если ни этих денег, ни очередных денег за сценарий не будет, мы через дня три выедем в Москву. Если же будут и те и другие деньги, мы останемся за границей примерно до середины января. (Не ужасайся, детеночка! Это и в твоих интересах!) Если же, наконец, будут только американские деньги, мы выедем в Москву очень скоро, так как хватит денег только на покупки, а на жизнь уже не останется.

Думаю купить тебе хороший костюм на весну, франков за 300-400. Придется, правда, заплатить гигантскую пошлину (платить нужно здесь, в торгпредстве, обязательно валютой), но зато это будет настоящая капитальная покупка. Сделаю кое-что и для себя. Сейчас у меня почти ничего нету. Куплю Пете костюмчик (опять пошлина!). Куплю еще тебе замечательные духи и разные собачьи ошейники и цацки. Ну, козанька, не буду фантазировать (тьфу, тьфу, чтоб не сглазить!), а то ведь денег еще нету, и может случиться так, что ты получишь только одного меня, без новых подарков. Это тоже на худой конец не так-то уж плохо. Верно, Валюнчик? Я тебя нежненько целую в глаза и носы.

Я очень по тебе соскучился, моя любимая. Ты для меня одна, единственная женщина. Я тебя очень, очень люблю. Гораздо больше, чем ты меня. Верно?

Немедленно напиши мне по адресу отеля (на первой странице письма есть и почтовый, и телеграфный адреса). Если после моего последнего письма, то есть на днях, ты мне не телеграфировала, телеграфируй немедленно о здоровье.

Еще раз целую, прижимаю к груди, трусь мордой (бритой!) о твою нежную шейку. Поцелуй и крепко обними Петеньку. Кланяйся родственникам и друзьям. Не забывай тетю. Всегда только твой обожающий тебя муж Женя.

Еще раз напоминаю, что мы с Илей телеграфировали в издательство «Советская литература», чтобы тебе и Марусе выдали по 1500 р. Объединись с Марусей, позвони Юре или, скажем, Валентину, и попроси, чтобы они все это вам устроили. Попроси так-

же Валу, чтобы он устроил аванс в оперетте (если, конечно, там дело на мази).

Кроме того, если мы останемся до середины января (но мало вероятно), Кольцов обещал выплатить вам по 1000 р. (он сейчас здесь, в Париже, но послезавтра едет в Москву). Тогда я напишу тебе особо и сообщу подробно, как тебе поступать.

Коза! Ради бога, сделай все возможное, чтобы установить колонку. Ты и представить себе не можешь, как хочется купаться! Ну вот, целую, целую, целую. Женя

Да! Коньки я тебе не куплю. Они здесь стоят зверские деньги и ничем не лучше наших, московских. Может быть, где-нибудь в других странах есть дешевые коньки. Но не здесь, в Париже. Согласись, что обидно тратить деньги на коньки, когда можно тебе же купить что-нибудь поинтереснее.

Поэтому катайся на московских! Катайся обязательно. Это полезно и освежает.

Сын Петя и Валя ожидают парижские подарки. А отец и муж (вместе с соавтором) – деньги из Америки: просили 200 долларов, но издатель не прислал. «Золотой теленок» на английском языке вышел в США в 1932 году, в переводе Чарльза Маламута. Любопытно, что первое книжное издание на русском (после публикации в журнале «30 дней» в 1931) вышло только в 1933 году.

В это же время в Париже был и Михаил Кольцов (еще недавно редактор журнала «Чудак»), как и они, сотрудник газеты «Правда».

Из письма Евгения Петрова от 14 декабря 1933 г.

Париж

<...> Не получаю от тебя писем. Скучаю. Постоянно о тебе думаю. Люблю. Вчера мне приснился Петенька. Снилось, что он здесь, в Париже, я его показываю знакомым («вот, мол, какой у меня сын – Петя») – и вынимаю его из кровати. А он почему-то маленький, годика на полтора, в рубашечке, сонный, но веселенький. И разговаривает как взрослый. А тебя видел на несколько дней раньше. Утром никак не мог вспомнить, какую ты мне приснилась. Но, во всяком случае, как-то очень хорошо.

Моя нежная, маленькая козанька! Не будь свинкой, напиши, наконец. <...>

Пиши мне подробно и много. <...>

Люби меня, козанька. Смотри! Я тебя очень люблю. Целую нежно, нежно все десять пальчиков, два ушка, два глазика, один носик, один ротик. И шейку, и ножки, и родинки, и животик. Обними Петеньку и расцелуй его хорошенько. <...> Твой, надеюсь, единственный, Женя.

Вчера был день моего рождения. Помнишь, сколько мне лет? Или уже забыла? В связи с этим торжественным «фактом» я угощал обедом (хорошим) Эренбурга с женой (я с ними очень подружился) и Илю. Неожиданно получил подарки. Эренбург подарил мне ящик отличных манильских сигар-регалей, а его жена, Любовь Михайловна, – записную книжечку в красном сафьяновом переплете. Я так давно не получал подарков, что очень удивился.

А ты, козочка, получишь от меня подарки раньше времени, еще до дня рождения. И в день рождения – тоже. Скоро Петькин день. Не забудь! <...>

19 декабря 1933

Париж

Дорогой Валюнчик!

Уезжают Кольцовы. Посылаю с ними (вернее, через одну их приятельницу, которая едет с ними) мой старый чемодан и следующие вещи:

- 1. Шифоновое платье с черным шелковым чехлом.*
- 2. Красную кофточку, шапочку и шарфик (очень паршивые, но страшно дешевые. Если не понравится, – можешь подарить кому-нибудь).*
- 3. Теплые перчатки с раструбами.*
- 4. Голубой поясок (тоже паршивый. Прости, козлик, но стоит он грош).*
- 5. Стекланные бусы.*
- 6. Толстые коралловые бусы (синие с белым, из Венеции).*
- 7. Пудреница черная с буквой Р (Петрова!).*

8. Маленький синенький портфельчик с принадлежностями для шитья.

9. Чудный автомобиль для Петеньки. С резиновыми шинами.

Есть еще для тебя всякая металлическая «ерунда» (пуговицы, застежки и т. д.), но это уже не хотели брать. Много. Не обращай внимания на то, что Иля послал Марусе лучшие вещи. У него было вдвое больше денег.

Это все чепуха! Если мы получим деньги, я накуплю тебе очаровательных вещей. Немедленно телеграфируй о получении вещей.

Целую, люблю, люблю. Твой Женя

Днем ранее Ильф: «Виделась ли ты с Тирановской? <...> Я передал Вам разные подарки. Через несколько дней она уже будет в Москве. ...позвоните в «Огонек» и спросите... приехала ли она. Когда это узнаете, позвоните Елизавете Николаевне [жене М. Кольцова] и спросите, когда можно к ней зайти. Она передаст Вам от меня записочку, которую можете там же и прочесть. Там указано, что за подарки».

22 декабря Ильф сообщает последние новости: «Мой день такой. Несколько дней (10) были скучны – утром работа, потом торжественный обед, потом работа, и все. Теперь я уже свободен. С сегодняшнего утра. Доволен, конечно, ужасно. Сценарий вчера сдавали. Он понравился, смеялись очень, падали со стульев... Деньги, по-видимому, дадут. Предлагает эта же фирма «Софар» написать еще сценарий по «12 стульям». Уговаривают нас еще остаться. Сегодня вечером фирма дает нам обед (обедом здесь называется ужин), и на нем будем решать дело с новым сценарием. В общем, имени мы не посрамили... Кольцов уехал в Москву и должен дать тебе с Валею по 1000 рублей».

Евгений Петров:

27 декабря 1933

Париж

Дорогая моя Валенька! Получил твое большое письмо и рад, что дома все хорошо и благополучно, что 1500 р. ты получила и что, следовательно, беспокоиться не о чем. От Кольцова ты и Маруся получите еще по 1000 р. После этого вам, надо

Валя Грюнзайд

полагать, хватит чуть ли не на весь январь. Напиши, как обстоит дело со всеми этими вопросами. Да! Твои соображения насчет туфелек будут мною приняты во внимание. И вообще на этот счет не беспокойся. Пока что наши денежные дела идут прилично. Произошло вот что: сценарий мы закончили, и я его читал. Он очень понравился, и как будто бы нет никаких возражений против его приема. Однако официальный ответ нам не дают и хотят отсрочить его до 2-го или 9-го января. В это время нам в виде компенсации за потерю времени

платят суточные, которые дают нам возможность прилично прожить в ожидании официального ответа. Кроме того, нам срочно предложено писать сценарий по «12 стульям». Сегодня мы должны дать ответ и поставить наши условия. В этом случае сценарий заказан, т. е. сумма уплачивается нам полностью – независимо от того, понравился сценарий или не понравился. Таким образом, наша жизнь в Париже превратилась в сплошную работу. Первый сценарий (действительно, очень смешной!) мы написали в две недели. Спали при этом всего по 5-6 часов в сутки. Если возьмемся за «12 стульев», то, значит, на днях засядем за новую, минимум двухнедельную, каторгу. Зато сможем послать денег на Торгсин, сможем привезти разные дамские вещи, оплатя огромную пошлину. Да! Кажется, в Варшаве хотят нам заплатить за «12 стульев» самым серьезным образом. Мы, вероятно, получим эти деньги по дороге домой, заехав в Варшаву.

Видишь, нежная моя, ласковая и любимая, как мы здесь живем! В трудах живем!

Сейчас могу сказать без всякого преувеличения. Я безумно соскучился по тебе, Петьке, Москве, нашей стране, по друзьям и знакомым. Всех хочется видеть, хочется пойти с тобой по снежку в театр или сесть в санки, выехать на ленинградское шоссе и поцеловать тебя в морозный носик. Ну, коза, целую тебя самым нежнейшим образом. Всегда и только твой Женя.

Обязательно подробно напиши, получила ли ты посылку, как понравился Петенькин автомобиль и тебе платье.

Следи, чтобы Петя не поломал автомобиль. Жалко.

Не забудь послать деньги тете.

Спасибо, что послала тете посылку. За этот подарок мне очень тебе благодарен. У моей жены чудный характер. Она у меня добрая.

Если пошлешь еще посылку – не пожалеешь. Я что-то тебе за это привезу.

Жены в Москве должны получить от Кольцова деньги за публикации в «Огоньке», соавторы ожидают денежные поступления из Польши, где к тому времени вышел роман «12 стульев» и идет спектакль «12 стульев». А деньги тете – Елизавете Бачей – Евгений Петрович посылал в Полтаву каждый месяц, до начала войны.

Ильф, 2 января 1934: «Еще не решили, будем ли мы писать «12 стульев»; решим сегодня-завтра. Так что опять насчет приезда не могу еще ничего сказать толком. Потерпи, маленький».

Евгений Петров:

2 января 1934

Париж

С новым годом, дорогая Валинька!

В моем последнем письме я забыл тебя поздравить, а сейчас уже немного поздно. Вчера получил твое ласковое и нежное письмо. Всегда пиши такие хорошие и подробные письма. Я страшно рад, что подарки пришлись по вкусу и тебе и Петеньке. Надеюсь привезти нечто лучшее. В этом смысле всецело положись на меня – были бы деньги! С деньгами же так: пока что нам платят понемногу и не дают окончательного ответа. Однако нет никакого со-

мнения в том, что сценарий они берут. Всю сумму обещали дать до 15 января. Что касается второго сценария (по «12 стульям»), то сегодня все окончательно выяснится. Надо полагать, наши условия будут приняты, и мы засядем за новую работу. А работать так не хочется – ты и представить себе не можешь. Сидеть в нашем небольшом номере на Rue Vapeau и писать с утра до вечера – убийственно трудно. К тому же нас здорово высосала первая работа, которая продвигалась с огромным напряжением. Отказываться же от сценария было бы непростительной глупостью, так как ожидается довольно крупная сумма, которая даст возможность кое-что купить для тебя и Петьки, а для меня – продолжить путешествие. Мы, может быть, на короткий срок съездим в Испанию и Англию, а может быть, и в Америку (все это, конечно, вилами по воде писано, но мне кажется, что наиболее полного и всестороннего путешествия следует исчерпать все возможности. Не забывай, что мы накапливаем огромный материал и по приезде в Москву сейчас же засядем за книгу. Поездка даст также многое и для нового романа, и для пьесы). Однако не буду забегать вперед. Все выяснится в ближайшие дни.

В Париже я сейчас еле сижу. Верь – не верь, но он мне надоел отчаянно. Я хочу в Москву, к моим любимым и самым дорогим на свете. Я тебя очень люблю, моя козочка, и, разумеется, счастье, которое ты пожелала для меня в 1934 году, может быть только с тобой и Петькой. Скоро я приеду, и мы с тобой, золотая моя девочка, будем молодоженами. А у Петьки будет сестричка Валичка. Или ты не хочешь? Ну ладно, пошутил. Будет так, как захочешь ты.

Напиши, получили ли ты деньги от Кольцова? Узнай у Вали, что с нашей опереткой. Дальнейшие деньги (напиши, скоро ли они тебе понадобятся) будешь получать у Сазонова (они по 3-му договору должны нам массу денег) Созвонись и узнай. Целую бесконечно ручки, ножки, губки и всю, всю. Обними Петю. Женья

Ты на конверте неправильно пишешь мое имя. Надо – Eugène.

Позвони от меня Олешам, Собакиным, Саше Козачинскому, Вольпину, Ардову и всем знакомым, и кланяйся им от меня.

Кланяйся Татьяне Петровне, Саше и Леонтию Исидоровичу. Я собираюсь купить для Саши счетную линейку.

Пошли тете 200 рублей за январь.

Узнай, есть ли в Торгсине колонки и почему? Обязательно сделай это и напиши мне.

Ну вот.

Еще раз прижимаю тебя к груди, нежно целую в ушко, которое с родинкой.

Учи английский.

Твой хасбенд

О творческом союзе Ильфа и Петрова писали немало, о том, как они работали вместе, написали сами соавторы, но поразительно, как в частных письмах совпадают не только рассказы о делах и подарках, но и поручения женам. Именно в письмах, написанных 2 января, впервые за все время у обоих длинный список тех, кому следует передать приветы. Ильф: «Что делают наши знакомые, все по порядку, в частности Юра, Оля [жена Ю. Олеси], Вольпин. Им кланяйся. Я их люблю, если они меня любят. Или даже если не любят. Кланяйся: Вите Ардову, Вале Петровой, Лапину, который женился, Габриловичу, Гехту особенно, Росинскому (кажется, сейчас буду писать ему, наконец), Саше Козачинскому, Чекризову. И всем».

У Петрова – приветы семьям Олеси и Катаева («гудковский» псевдоним Валентина Катаева «старик Саббакин» стал шуточным домашним прозвищем), Александру Козачинскому, Михаилу Вольпину – поэту и драматургу, Виктору Ардову – драматургу и киносценаристу.

Отдельной строкой идут приветы тестю и теще. Татьяна Петровна и Леонтий Исидорович – родители Валентины Леонтьевны Грюнзайд. Саша – ее брат.

А требование: «учи английский» становится многозначительным, если сравнить с последней фразой из письма Ильфа «Это ужасно, мы хотим ехать в Америку! Что будет?».

Так закончился первый парижский период. В сентябре 1935 они вновь вернутся в Париж – по дороге в Соединенные Штаты, навстречу «Одноэтажной Америке».

